

Лео Штраус: искусство писать и искусство читать

Александр Павлов*

Аннотация. Статья представляет собой предисловие к публикации одного из самых важных текстов политического философа XX века Лео Штрауса «Преследование и искусство письма». Автор описывает герменевтику и правила интерпретации текстов, выработанные Лео Штраусом. В статье рассматривается оригинальная позиция словенского философа Славоя Жижека по отношению к мнению Штрауса об экзотеризме и эзотеризме. Автор также пытается ответить на вопрос, мог ли сам Лео Штраус писать «между строк» и были ли у него на это причины, и в итоге приходит к выводу, что Штраус не только мог, но и писал эзотерически. Однако, что именно Штраус писал «между строк», другой вопрос и тема нового исследования.

Ключевые слова. Лео Штраус, Славой Жижек, Эрик Фёгелин, Александр Кожев, политическая философия, эзотеризм, принуждение, преследование, цензура, истина, искусство письма.

Как свидетельствует биограф Жака Лакана Жак-Ален Миллер, Лакан прочел книгу Лео Штрауса «Преследование и искусство письма» сразу после её выхода в свет в 1952 году (Миллер, 2011: 30). Лакана на этот текст навел Александр Кожев, друг и доброжелательный оппонент Штрауса. Статью, благодаря которой философа вспомнят через тридцать лет после смерти и о которой будут спорить его критики и сторонники, Штраус опубликовал в 1941 году (Strauss, 1941), а спустя 11 лет Штраус выпустил одноименную книгу (Strauss, 1952), куда вошли еще несколько текстов — о Маймониде, Йехуде Галеви и Спинозе, а также упомянутая статья в качестве методологического указателя к чтению. В 1949 году Штраус прочел несколько лекций о естественном праве, а в 1953 году, собрав эти лекции под одной обложкой, опубликовал книгу «Естественное право и история» (Штраус, 2007). Обратившись к изучению естественного права и получив ставку профессора в университете Чикаго, он приостановил свои «эзотерические исследования». Таким образом, в период с 1941 по 1952 год Штраус разработал и применил метод, с помощью которого следовало читать великие тексты. Остается вопрос: не пользовался ли он сам, научившись «читать тексты между строк», «письмом между строк», чтобы оставить тайное послание молодому поколению?

* Павлов Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры практической философии философского факультета НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. Email: ale-pavlov@yandex.ru

© Павлов А. В., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

Кожев вступил со Штраусом в публичный спор, посвященный книге «О тирании» (Штраус, 2006; Strauss, 2000), в 1950 году (Kojève, 1950). Кожев разделял далеко не все соображения Штрауса о тирании, но по поводу «искусства письма», кажется, был согласен со своим другом абсолютно во всем. Во всяком случае, в 1964 году Кожев опубликовал статью «Император Юлиан и его искусство письма», в которой отдал дань уважения своему другу и предпринял в его честь попытку прочитать произведения императора Юлиана «между строк». В статье подчеркивалось, что Юлиан, будучи политиком, говорил о возможности писать между строк теми же словами, что и Штраус (который, по мнению Кожева, не читал Юлиана), и с большим успехом это письмо практиковал. Не намек ли это на то, что Штраус, заведя речь об эзотерическом стиле великих мыслителей, сам практиковал этот стиль?

Если Штраус действительно хотел сказать что-то важное только избранным читателям, не означает ли это, что он ошибся, приравняв, в соответствии с мыслью Сократа, знание к добродетели? То есть не оказалась ли ложной его идея о том, что поделиться правдой, которую ты знаешь, с благожелательно настроенными, достойными доверия, рассудительными друзьями безопасно? Если судить по обвинениям многих исследователей в том, что у Штрауса было тайное учение, которое он нес молодым людям, то на поверхностный взгляд эта идея может показаться несостоятельной. Однако тексты Штрауса подверглись внимательному прочтению и последующему обсуждению, и разве не свидетельствует это скорее о правоте мыслителя? Кроме того, он уже давно умер и физически явно не мог подвергнуться преследованию. И поскольку речь идет о тридцатилетней дистанции между смертью Штрауса и актуализацией его творчества, разве это говорит о том, что «молодые люди», к которым обыкновенно обращается любой автор, пишущий между строк, усвоили учение Штрауса?

Ответ на вопрос, зачем Штраусу рассуждать о «тайном искусстве письма», если он сам решил практиковать это искусство, довольно простой. Мы обнаруживаем его именно у Лакана. Миллер считает, что ссылка на «Преследование и искусство письма» Штрауса очень точно характеризует собственный дискурсивный, аналитический метод Лакана: «Есть вещи, которые следует давать понять, не высказывая их прямо, ибо высказывая их прямо, мы рискуем навлечь на себя гонение Другого и его гнев. Говорить поэтому приходится между строк, чтобы услышать могли лишь те, кто должен услышать. О том, что не должен услышать никто, мы просто молчим» (Миллер, 2011: 30). Действительно, не хотел ли Штраус того, чтобы, во-первых, его прочитали «молодые люди», и во-вторых, те, кто благодаря его, казалось бы, простому, но в то же время довольно туманному тексту стал бы вычитывать этот текст «между строк» и искать там тайное учение?

Тем более важно, что Штраус, по его собственному признанию, реабилитирует этот метод в современной исторической науке. Он отмечает, что методология чтения текстов на предмет их тайного содержания утеряна и забыта, что ныне в моде совершенно другой способ интерпретации текстов и что свободно говорить о возможности адаптации литературной техники к «запросам» «преследования» мешают

обычаи, возникшие благодаря изменениям в методах исторических исследований. Штраус делает особый упор на «чтении между строк», а вовсе не на письме. На самом деле сказать о том, что великие мыслители прошлого писали между строк, это не сказать ровным счетом ничего. Да и какой толк знать, что кто-то умел «писать между строк», если не можешь между строк читать. Штраус говорит именно об искусстве чтения, а не письма, это очевидно. Его задача — предоставить внимательному, а не поверхностному молодому читателю «правила для руководства ума» при чтении великих текстов.

Но зачем вообще читать тексты между строк? Если Миллер прав, что Лакан боялся избежать гнева Большого Другого, то по отношению к Штраусу требуется иное объяснение. Дело в том, что на протяжении всей истории человечества, даже в самые либеральные ее периоды, существовали различные формы преследования за свободу высказывания и даже за свободу исследования — казнь, изгнание, заточение в тюрьму, бойкот. Однако вместе с тем сохранялось и независимое мышление — независимое, следовательно, неудобное правящему режиму. Правящий режим принуждает мыслить так, как надо именно ему. Но Штраус различает «принуждение» и «преследование». Первое, по-видимому, обращено к молодым людям, мысль которых еще не сформировалась и которых еще можно принудить мыслить так, как угодно режиму. Второе, кажется, направлено на тех, кто каким-то образом уже стал независимым мыслителем и может высказывать мнение, неудобное режиму. Чтобы избежать преследования, мыслителю необходимо «прятать» свою мысль между строк. При этом автор должен быть прозорливым настолько, чтобы оставаться понятным для тех, к кому он обращается таким образом.

Наиболее простой способ объяснить, зачем необходимо уметь писать между строк и как это делать, — обратиться к самому Штраусу: «...рассмотрим *простой пример, который, я верю, не настолько далек от реальности* (курсив мой. — А. П.), как это может поначалу показаться. Мы легко можем представить себе *историка* (курсив мой. — А. П.), живущего в тоталитарной стране, в целом уважаемого члена единственной существующей партии, который находится вне всяких подозрений. Мы можем также представить, что ряд научных изысканий привел его к сомнениям в правильности одобряемых государством взглядов. Никто не может помешать историку опубликовать статью, в которой он со всей страстью обрушится, скажем, на либеральные взгляды. Однако прежде чем критиковать и атаковать эти самые взгляды, ему, безусловно, придется их изложить. Это изложение будет выдержано в тихой, невыразительной и даже слегка скучной манере, которая будет казаться неестественной. Он станет использовать множество специализированных терминов, приводить большое количество цитат и придаст чрезмерную важность несущественным деталям. Покажется, что автор предпочел священной войне человечества мелкие дразги буквоедов. И только когда речь пойдет о самом важном, о самой сути, тогда только автор сформулирует три-четыре предложения в том лаконичном и живом стиле, который только и способен привлечь внимание юноши, привыкшего мыслить. Как это ни странно, в этом центральном отрывке суть „вражеской“ теории будет изложена

четче, жестче и привлекательней, чем она была сформулирована в период расцвета либеральной мысли, ибо историк негласно отсечет все нелепые „отложения“ на ее теле, которые смогли сформироваться за тот период, когда либерализм, уже добившись успеха, погрузился в состояние застоя. Юный и рассудительный читатель впервые сможет взглянуть на запретный плод. При этом критическая часть, весь основной объем произведения будет представлять собой яростный пересказ наиболее злобных изречений „священных книг“ государства. Эти несдержанные высказывания вызовут отвращение или даже скуку у интеллигентного юноши, который именно по причине своего возраста наверняка был некогда ими пленен. А продолжив читать книгу, он обнаружит в самой расстановке цитат из авторитетных книг значительные дополнения к тем лаконичным утверждениям, которые видел в первой части произведения» (Strauss, 1988: 24–25).

Первое, на что следует обратить внимание: речь идет о «*примере, не настолько далеком от реальности*». Главное же заключается в следующем. С точки зрения Лео Штрауса, в интеллектуальном климате Запада произошли фундаментальные изменения, о которых говорилось выше в контексте чтения текстов великих авторов. «Являются ли (и если да, то до какой степени) подобные изменения прогрессивными, или, наоборот, они сигнализируют об упадке — вопрос, на который ответить может только *философ*. *Историк*у (курсив мой. — А. П.) же вменяется более скромная обязанность. Он будет всего лишь по справедливости притязать на то, чтобы, несмотря на все перемены в интеллектуальной среде, традиция исторической достоверности не прерывалась» (Strauss, 1952: 29).

Штраус позиционировал себя как историка политической философии, а не политического философа. Историк, о котором он говорит в этой цитате, вероятнее всего, он сам. Историк в цитате выше — опять же он сам. Ведь там, где речь идет о либеральном историке в тоталитарном государстве, неслучайно говорится именно об историке, а не философе.

Приведу еще один пример, чтобы показать, что Штраус мог выступать таким историком. В статье «Три волны современности» он вкратце описывает кризисы, которые пережила политико-философская традиция, берущая происхождение от Макиавелли. С точки зрения Штрауса, первый кризис современности обнаруживается в работах Руссо, а второй — у Ницше. В самом конце Штраус неожиданно приходит к политическим выводам и заключает: «*Всякое политическое использование Ницше представляет собой извращение его учения. Тем не менее сказанное им было прочитано политиками и вдохновило их. Он несет столь же малую ответственность за фашизм, как и Руссо за якобинство. Это значит, однако, что он столь же ответственен за фашизм, как и Руссо за якобинство*» (Штраус, 2000: 81). Не означает ли это, что Штраус несет столь же малую ответственность за то, как были поняты его слова, и что он столь же ответственен за политические следствия, которые его ученики вывели из его политической философии, как Ницше за фашизм, а Руссо — за якобинство? Чтобы не нести ответственности и чтобы не было недопонимания при чтении его текстов, сам Штраус сформулировал правила чтения «письма между строк».

Что же это за правила для руководства ума историка? Хотя Штраус упоминает о них как бы вскользь, их можно эксплицировать и даже посчитать. Правило номер один: «Чтение между строк строго запрещено во всех случаях, когда применение этого метода будет менее правильным, чем его неприменение». Правило номер два: «Прежде чтения между строк должен быть произведен подробный анализ недвусмысленных высказываний автора». Правило номер три: «До того как интерпретация текста сможет обоснованно притязать на адекватность и даже правильность, должны быть детально рассмотрены контекст, в котором встречается то или иное суждение, литературные особенности всей работы, ее план». Правило номер четыре: «Удалять отрывок или исправлять его нельзя, прежде чем будут рассмотрены все варианты его интерпретации, — в том числе тот вариант, при котором текст несет ироничный оттенок. Если признанный мастер словесности допускает ошибки, за которые пришлось бы краснеть даже студенту университета, разумно предположить, что эти погрешности преднамеренны, в особенности если автор рассуждает, как бы случайно, о возможностях умышленных ошибок в произведении». Правило номер пять: «Взгляды одного из героев (даже — положительного героя) драмы или диалога не должны восприниматься как взгляды самого автора. Истинное мнение мыслителя не обязательно соответствует тому, что он говорит в большинстве своих текстов». Правило номер шесть: «Достоверность и точность нельзя путать с отказом или неумением увидеть лес за деревьями. Настоящий историк примирится с тем, что существует огромная разница между доказательством своей правоты и постижением того, что действительно хотел сказать великий мыслитель». Также Штраус дает важный ориентир, где именно следует читать между строк. Тайные высказывания об истине «не всегда появляются во введении или других заметных частях книги. Некоторые из них даже невозможно заметить, не говоря уже о том, чтобы понять, постольку мы ограничены рамками представлений о преследовании и привычным отношением к свободе высказываний, которые главенствуют последние триста лет».

Таким образом, Лео Штраус предлагает метод, с помощью которого надо *читать* «написанное между строк». Не означает ли это, что Штраус просит читать и его тексты в соответствии с теми же правилами, которые он применял при чтении других текстов? Штраус сам дает нам ключ к пониманию того, стоит ли вообще читать его собственные тексты между строк. При исследовании «Путеводителя растерянных» Маймонида он вскользь замечает, что Маймонид писал «Путеводитель» «в соответствии с правилами, которым обычно следовал при толковании Библии. Значит, если мы хотим понять „Путеводитель“, нам нужно толковать его в соответствии с правилами, которые Маймонид применяет в этом сочинении для объяснения Библии» (Strauss, 1952: 61). Именно этот кусок цитирует и Славой Жижек, правда, в совершенно другом контексте, и притом делает из него не совсем корректные выводы.

Примечательно, что самый известный сегодня лаканианец Славой Жижек вряд ли вышел на Штрауса через Лакана, но не менее любопытно, что он обратился именно к тексту «Преследование и искусство письма». Более того, мысли и цитаты из книги, к которым обращается Жижек, относятся не к ключевому тексту, а к главам, посвя-

ценным Маймониду и Спинозе. Можно предположить также, что Жижек познакомился с книгой поверхностно, опустив чтение первой главы и обратившись сразу к пункту «Секреты и противоречия». На мой взгляд, хотя Жижек по обыкновению и предложил интересную и оригинальную интерпретацию мысли Штрауса, он не совсем понял, о чем речь, поскольку не познакомился с «Преследованием и искусством письма» внимательно и подробно.

Словенский лаканианец говорит о Штраусе так, будто воспроизводит уже сформулированную мысль с заранее расставленными акцентами, нежели делает собственное заключение, прочитав книгу: «Внутренний кризис демократии служит также причиной возрождения популярности Лео Штрауса: ключевая особенность, которая делает его политическую мысль важной сегодня, — это элитистское представление о демократии, т. е. идея о „необходимой лжи“». Скорее всего, Жижек находится под впечатлением от чтения книги Энн Нортон о Штраусе и американской империи (Norton, 2004). В доказательство можно привести тот факт, что в более поздней своей книге Жижек цитирует «О тирании» Штрауса по тексту Нортон (Жижек, 2007: 15, 468).

Но вернемся к интерпретации Жижека «искусства письма». Жижек упрекает Штрауса в том, что тот, заговорив о необходимости для философов использовать «благородный вымысел», не вывел всех последствий из двусмысленности этой позиции. Конечно, мудрые знают истину и считают, что простолюдины не в состоянии ее понять и тем более жить с ней, вместе с тем и сама истина недоступна познанию как таковому, вот почему философы вынуждены обращаться к вымыслу для заполнения структурных пробелов в своем знании (Жижек, 2004: 199–202). Философ изъясняется туманно, во-первых, чтобы его не поняли простые читатели, во-вторых, потому что только так и возможно изложение великого философского содержания, ведь философу просто-напросто нечего сказать. «По Штраусу, невыносимой эзотерической тайной является тот факт, что нет никакого бога и бессмертной души, нет никакого божьего суда, а есть лишь этот земной мир, в котором отсутствуют глубокий смысл и гарантии благополучного исхода моральной борьбы» (Жижек, 2004: 205).

Разумеется, и Жижек задает ключевой вопрос: должны ли тексты Штрауса быть прочитаны в этой же эзотерической манере, и если да, то как далеко следует идти в этом направлении? Чтобы ответить на этот вопрос, Жижек предлагает ответить совсем на другой: в чем именно состоит эзотерическое учение Лео Штрауса? «Существует только одно последовательное решение: „эзотерическое“ учение может заключаться лишь в отсутствии четкого разграничения между экзотерическим и эзотерическим, то есть в том скандальном обстоятельстве, что экзотерические „публичные“ учения содержат больше истины, чем эзотерическая тайна, что в действительности одураченными оказываются сами авторы, пытающиеся одурачить неграмотных, зашифровывая свое настоящее послание» (Жижек, 2004: 209–210). Эта мысль настолько же неверна, насколько и эффективна. Грубо говоря, если сами философы остаются одураченными, спрятав свое послание, то, может быть, Штраус, осознав это, постарался донести до вдумчивой публики мысль, что тайное послание великих мыслителей существует. Хотя никто не знает, какую именно тайну содержат тексты, все знают, что тайна в

них заложена. Штраус сам говорит о том, что наиболее удачной стратегией текстов станет смешение экзотерического и эзотерического методов интерпретации (Strauss, 1952: 31). И хотя сам Жижек вспоминает про штраусианский парадокс, будто тайны Штрауса публикуются огромными тиражами, но говорит о нем лишь походя, приводя только в качестве примера. Возникает соблазн скорректировать мысль Жижека иллюстрацией из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова следующим образом: Штраус намекает, что «гири золотые», и чтобы добраться до золота, в которое гири отлиты, нужно их распилить, но люди не смогут понять, золотые ли они на самом деле, потому что не смогут распилить их. Однако главная проблема заключается в том, что Штраусу есть что зашифровывать между строк. И если бы Жижек познакомился с ключевой работой Штрауса «О тирании» сам, а не в пересказе Энн Нортон, то, вероятно, пришел бы к совершенно другим выводам. Примерно то же произошло и с Кожевом, ошибка которого была в том, что он прочитал «Преследование и искусство письма» позже, чем «О тирании». Иначе, можно быть уверенным, полемика развернулась бы совсем по-другому.

Единственным, кто понял истинный замысел Штрауса, оказался другой немецкоязычный эмигрант Эрик Фёгелин, прочитавший статью «Преследование и искусство письма» раньше, чем «О тирании», и указавший на это в своей рецензии. «Учитывая систематический характер размышлений, критика у Штрауса оказывается в невыгодном положении. Эти размышления, хоть и охватывают широкий круг явлений, изложены столь сжато, а порой и столь эзотерически, что вероятность непонимания идей Штрауса становится высока. Со всеми возможными извинениями за ошибки, которые могут обнаружиться, скажу, что проблема, более всего интересующая автора, — свобода интеллектуальной критики при тираническом правлении. Мы живем в эпоху тирании, следовательно, представляет интерес не только то, что древние говорили о ней, но, возможно, в еще большей степени то, как они могли говорить что-то, при этом не будучи убитыми» (Фёгелин, 2011: 126). Фёгелин утверждает, что Штраус пользуется «эзотерическим стилем письма между строк», хотя и признается в том, что мог неправильно понять своего друга и коллегу (подробнее см.: Павлов, 2011). Однако сам Фёгелин не мог раскрывать секретов коллеги, но лишь указал, что ключевым текстом для внимательного чтения молодых людей должна стать именно эта книга. Я убежден, что это действительно так.

Литература

- Жижек С. (2004). Ирак: история про чайник / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Праксис.
- Жижек С. (2007). Устройство разрыва. Параллаксное видение / пер. с англ. А. Смирнова и др. М.: Европа.
- Миллер Ж.-А. (2011). Жизнь Лакана, предлагаемая вниманию просвещенной публики / пер. с франц. А. Черноглазова. М.: Гнозис.
- Павлов А. В. (2011). О тирании и искусстве письма // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 115–124.

- Фёгелин Э. (2011). «О тирании» Лео Штрауса / пер. с англ. К. Колкуновой под ред. А. В. Павлова // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 125–130.
- Штраус Л. (2000). Три волны современности // Штраус Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Праксис. С. 68–81.
- Штраус Л. (2006). О тирании / пер. с англ. и древнегреч. А. А. Россиуса, пер. с франц. А. М. Руткевича. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Штраус Л. (2007). Естественное право и история / пер. с англ. Е. Адлер и Б. Путько. М.: Водолей.
- Norton A. (2004). Leo Strauss and the politics of American empire. New Haven: Yale University Press.
- Kojève A. (1950). L'action politique des philosophes // Critique. 1950. № 6. P. 46–55, 138–155.
- Strauss L. (1941). Persecution and the art of writing // Social Research. Vol. 8. № 4. P. 488–504.
- Strauss L. (1952). Persecution and the art of writing. Chicago: University of Chicago Press.
- Strauss L. (2000). On tyranny. Chicago: University of Chicago Press.